

Песни Адхартаха

Андрей Кот

Ознакомительный фрагмент · первые две главы

Встреча в лесу

За всю свою жизнь дочь нормандского графа де ла Рош так и не поняла, как ей удалось в тот раз выжить. Воспоминания о событиях молодости посещали ее и раньше, но в последние годы стали преследовать неотступно.

“Наверное, близок мой конец. Одно хорошо: скоро свидимся с братом на том свете”, — трясая головой, думала поседевшая старая дева, одиноко бредя по родовому замку.

Слуги, опасаясь получить выволочку от выжившей из ума хозяйки, шустро, как мыши, разбегались по углам, разумно предпочитая держаться от нее подальше. Она не замечала их суеты, старательно повторяя себе под нос странные имена из ушедшей эпохи. Взгляд ее упал на стену, на которой красовался гобелен с юной девушкой на красивом скакуне. Она застыла, пригляделась, и улыбка узнавания, как первые пролески среди снега, расцвела на ее морщинистом лице. Присев на стул, она жадно впиалась глазами в детали гобелена, уплывая мыслями в свою юность.

Агнесса де ла Рош выскользнула из замка на своем вороном Светлячке в тот предрассветный миг, когда темнота ночи еще не отступила перед мощью утра, и сон всех жителей замка особенно глубок.

Чтобы избежать расспросов, девушка решила выехать в сторону леса через задние ворота, где дежурили преданные ей старый Огюст и его сыновья.

Солнце едва только начало проступать над макушками деревьев, но природа вокруг уже всю ликовала от наступления погожего дня.

Лес встретил девушку пьянящей смесью запахов цветов, молоденьких листочков на кустарниках, жухлой прошлогодней листвы.

Агнесса отпустила поводья. Светлячок, повинаясь настроению хозяйки, сам сбавил бег, с любопытством прядая ушами и шумно втягивая ноздрями лесной воздух.

Добравшись до большой поляны, она спешила у приметного дуба, расколотого молнией, похожего на сказочного великана с широко расставленными ногами.

Привычным движением девушка извлекла из тайника в дупле свой арсенал: лук, колчан со стрелами и узкий венецианский кинжал.

Она ловко установила чучело из хвороста, чтобы поупражняться в стрельбе, но вдруг замерла, услышав в чаще чьи-то голоса.

Она дернулась к коню, но любопытство удержало ее от бегства. Помедлив, Агнесса решилась все же осторожно проверить.

“Точно кто-то из слуг”, — успокаивала Агнесса себя, подкрадываясь поближе. Она спряталась у оврага за валуном, вдохнув холодный запах влажной земли и мха, и огляделась.

В овраге на расстоянии двадцати-тридцати шагов от ее укрытия беседовали двое мужчин. Один из них сидел на пне, другой же склонился перед ним в почтительной позе.

Черный плащ и белая туника сидящего монаха были покрыты слоем дорожной пыли. Он был крайне худ и выглядел усталым, однако уверенная поза и голос выдавали в нем человека, привыкшего повелевать.

В противоположность ему второй мужчина с короткой черной бородой был одет в изящный желто-зеленый костюм знатного человека. Золотая цепь на его шее и руки, усыпанные драгоценными перстнями, подчеркивали высокое положение.

— Ваше высоко... — продолжил стоявший мужчина.

— Я вам еще раз повторяю, называйте меня просто — братом... — в голосе монаха прозвучал холодный металл.

Вельможа молча поклонился и начал снова, избегая прямого обращения:

— Итак, я должен передать... — монах предостерегающе взмахнул рукой. Вельможа кивнул с каменным лицом и продолжил: — Передать нашему знакомому на словах следующее: “Любезный друг, как мы и предполагали, лозы лангедокского винограда проросли по всей Франции.

Итальянские вина резко падают в цене среди многих представителей знати и даже духовенства! Я приблизился к разгадке, кто стоит за этим, но мне понадобится еще время, чтобы понять их цели. Многие подсказывает, что праздник сбора свежего винограда следует начать в день святого Августина, то бишь 28 августа”.

Монах бесшумно повторял слова послания, затем закрыл глаза и глубоко задумался.

Дворянин же начал медленно прохаживаться взад и вперед.

Когда его шаги уже значительно ускорились от нетерпения, монах наконец утвердился в своем решении и обратился к своему собеседнику:

— Да-да, все так! Скачите в Шартр во весь дух. Напротив собора Нотр-Дам в постоялом доме “Соколиная Охота” смените лошадь. Спросите хозяина Робьена, скажите ему секретные слова: “Пес и факел”, и он все устроит. Кроме того, велите ему выдать вам пятьдесят турецких ливров и, не задерживаясь, отправляйтесь в Рим.

Шевалье поклонился и уже было направился к привязанной паре лошадей, как обернулся на шум неподалеку.

Агнесса случайно оперлась на камень, и тот с громким треском понесся вниз по склону в сторону заговорщиков, круша на своем пути мелкие сучья. Стая потревоженных ворон с недовольным карканьем взмыла вверх.

Сердце девушки оборвалось.

Дворянин выхватил меч.

Паника пронзила Агнессу сотнями игл при виде обнаженного клинка. Не помня себя от страха, она сорвалась с места и метнулась к своему коню.

Она не успела заметить, с какой скоростью оказался на ногах мирный монах в боевой стойке с длинным кинжалом, молниеносно выдернутым из-за пазухи.

Шевалье ринулся за промелькнувшей в листве тенью, но железная хватка монаха остановила его.

— Оставьте! Вас ждут другие дела, — прошипел тот, силой увлекая его к лошадям.

— Вероятно, очередной мальчуган-бездельник отлынивает от работы, — буркнул дворянин.

— Угу, — кивнул монах. — Хотя я не верю в случайные встречи в угрюмом лесу.

Монах перекрестил гонца, успевшего взобраться на своего рыжего коня и дождался, когда шевалье скроется из виду. Затем он и сам подобрал полы туники и сел на пегую лошаденку, которая, несмотря на свой невзрачный вид, отправилась бодрой рысью по делам загадочного монаха.

Пугаясь всякого шороха, Агнесса добежала до Светлячка.

“Если эти люди за мной погонятся, то сразу заметят меня на дороге в замок. Надо в объезд через лес”.

Лесная дорога пронизывала дугой чащу, а потом расходилась в две стороны: одна вела к Шартру и дальше на Париж, куда и направился позднее таинственный шевалье, а другая возвращалась к главным воротам замка де ла Рош.

Девушка пришпорила коня. Когда Агнесса была в одном лье от границы леса, резкий женский крик вырвал ее из размышлений.

Всадница так грубо осадил Светлячка на полном скаку, что чуть не свалилась с ним на землю.

Рука ее потянулась к поясу, но девушка вспомнила, что в суматохе оставила оружие у дуба.

Крик повторился. Агнесса сжала зубы и, отчаянно трусая, съехала в заросли.

На берегу ручья лежала связанная женщина, ее длинные рыжие волосы разметались вокруг нее подобно скомканному тонкому покрывалу.

По влажной земле тянулся длинный след: несчастная долго ползла, чтобы спастись от своих обидчиков.

Агнесса спрыгнула с коня, зачерпнула ладонями студеной воду, полила лицо и шею несчастной женщины.

Бедняжка застонала и тут же начала изгибаться всем телом в попытке уползти дальше.

Агнесса шептала ей ободряющие слова, одновременно пытаясь освободить ее от пут, но, как назло, ее обидчики затянули веревку туго. От страха ее руки тряслись, и узлы не поддавались.

Она пустила в ход зубы — и через миг освобожденная женщина оттолкнула ее, рыкнула и отпрыгнула в сторону.

— Я — друг, не бойтесь! — Агнесса подняла руки.

Несколько мгновений обе тяжело дышали, глядя друг на друга.

— Где д'Аркур? — прохрипела спасенная.

— Меня зовут Агнесса де ла Рош, — как можно спокойнее ответила Агнесса. — Барон Филипп д'Аркур — наш сосед, хотя я не имела чести его встречать ранее.

— Чести? Нет чести во встрече с этим отродьем, — скривилась бывшая пленница.

Вспышка гнева отняла у нее последние силы, и она упала на траву.

Агнесса встряхнула ее, чтобы не дать ей потерять сознание снова.

— Но кто вы?

— Мелани... Мелани д'Эвилль — она вскинула голову на шум в зарослях.

Кто-то точно бродил в чаще неподалеку.

— Быстрее в седло! — подвела Агнесса коня.

Мелани даже привстала, но тут же свалилась с глухим стоном.

Вдруг несчастная женщина пробормотала что-то резкое, словно заклинание. Силы на миг вернулись к ней, и она села в седло. Агнесса вскочила следом.

Стоило им выехать на дорогу, как из леса, на четвереньках, выскочил человек.

Ростом он был чуть выше мальчишки лет двенадцати, но огромная шея, плечи, руки и грудь — все указывало на неимоверную, животную силу. За черными, спутанными волосами невозможно было разглядеть его черты лица — только пару смотрящих с ненавистью глаз.

Повернувшись к зарослям, он коротко свистнул и вытащил свой полуторный меч.

Агнесса разглядела горб на его спине, что объясняло угловатость его фигуры и странную манеру передвигаться.

В ответ раздался схожий сигнал, и на дороге появились еще двое.

Первый был высок и худ. Он высоко вышагивал, поднимая и переставляя ноги, словно паук, подбирающийся к жертве. Он вертел и игрался клинком, перекидывая его из руки в руку, хищно посмеиваясь.

У третьего их спутника была маленькая лысая голова, совершенно несоизмеримая с гигантским телом, а его короткие и пухлые конечности и вовсе словно взяли от другого человека и насильно прилепили к чужому телу.

Пот ручьем стекал по его лицу, на котором застыло брезгливое и недовольное выражение. Он задыхался, и его грудь быстро вздымалась, издавая свист и шипение, словно меха в кузнице. Одна его рука крепко сжимала лежащую на левом плече огромную булаву, а другая уперлась в бок.

Вся троица — в красно-желтых цветах дома д'Аркур.

Горбун заговорил хриплым, похожим на воронье карканье, голосом.

— Сударыня, костюм пажа не может скрыть женской красоты, до которой мы с друзьями, кстати, большие охотники, — он отвесил своим ослабившимся товарищам шутливый поклон.

Лицо Агнессы загорелось от их намеков.

Горбун заметил ее смятение и холодно улыбнулся:

— Вы действительно хотите рискнуть забрать то, что принадлежит дому д'Аркур? Оставьте это, — он запнулся, чтобы подыскать верное слово, — отродье дьявола и уезжайте, если вам дорога жизнь.

Его спутники принялись расходиться, чтобы отрезать девушкам отступление.

Из-за поворота показался рыцарь на коне в полосатой красно-желтой попоне — без шлема, но вооруженный. “Паук” и толстяк вернулись на дорогу к горбуну, и уже все втроем двинулись к девушкам навстречу.

— Мы в ловушке, — похолодела Агнесса и принялась хлестать Светлячка так сильно, как никогда ранее в жизни. — “Только бы доскакать до ворот замка. Полтора лье — и мы спасены! Нас заметят и бросятся на помощь!”

Испуганное животное рвануло таким бешеным галопом, что чуть не сбросило своих наездниц на землю.

Конь разметал троицу, которая расступилась в последний момент, осыпая женщин проклятьями.

Агнесса обернулась: рыцарь бросился за ними. К счастью, его конь — огромный дестриэ — годился больше для боя, а не для погони.

Но радость от спасения быстро испарилась.

Светлячок закусил удила и неся вслепую, не слушаясь повода.

Тщетно пыталась Агнесса перекричать ветер, чтобы голосом успокоить скакуна.

Вот уже промелькнули мимо ворота замка, и впереди начинался пологий, но очень каменистый спуск, где Светлячок неминуемо переломал бы ноги на такой скорости.

— Господи, спаси и сохрани! — простонала Агнесса.

Мелани наклонилась к шее коня, что-то выкрикнула и резко дернула повод влево.

Конь соскочил со своего рокового пути. Беглянка тащила повод, заставляя Светлячка двигаться по кругу.

Светлячок злился и брыкался на галопе — и в одном из прыжков Агнесса слетела с коня, потянув за собой спасенную женщину.

Дочь графа ударилась головой, и все поплыло перед ее глазами. Мелани склонилась над спасительницей, натирая виски сорванной вонючей травой. Обессиленный, весь в пене, Светлячок трясся на боку и хрипел.

Подбежавшие слуги бережно усадили женщин в паланкин и понесли в замок.

Хозяин распорядился отнести Мелани в женские покои, а дочери хмуро приказал:

— Агнесса, иди за мной.

Пошатываясь из-за головокружения, она неуверенно вступила в зал следом за ним.

Отец долго молчал и рассматривал ее.

— Отец, простите меня... — робко начала она.

Он нервно прервал ее жестом.

— Не могу даже выразить, как я зол из-за твоей сумасбродной выходки. Не поздоровится тем, кто выпустил тебя из замка.

Агнесса молитвенно сложила руки.

— Отец, это только моя вина.

— Кто эта женщина? И что с вами произошло?

Граф прошелся по залу, пытаясь унять волнение.

— Ты хоть понимаешь, какой опасности себя подвергла? — он резко обернулся к ней, и в голосе его прозвучал не только гнев, но и страх.

Агнесса опустила голову. Граф помолчал, задумчиво рассматривая дочь.

— Не скрою, история странная. И эту гостью нужно допросить, как только она придет в себя. Скорее всего, она — простая жертва разбойников. А вот эта странная парочка не выходит у меня из головы... простые ли они путники или соглядатаи? Бретонцы давно зарятся на наши земли. — Он вызвал начальника стражи и велел прочесать лес. — А ты, Агнесса, ступай к себе. Больше никаких прогулок за стены замка!

День был в полном разгаре, но едва Агнесса коснулась подушки, как провалилась в глубокий сон без отчетливых воспоминаний.

Казалось, прошло мгновение, когда тихий шепот служанки Миранды разбудил ее:

— Госпожа, проснитесь. Надо поторопиться, ваш батюшка ждет вас.

Оказалось, что Агнесса проспала остаток дня и целую ночь.

Мелани поджидала ее в кресле у окна в дальнем углу комнаты. Солнечные лучи, преломленные сквозь мозаичные окна, танцевали разноцветными бликами на ее пышных огненных волосах, изящно уложенных в красивую прическу.

После отдыха и купания эта женщина засияла.

На вид ей было чуть меньше тридцати лет, она была высокого роста и прекрасно сложена.

Агнесса даже не предполагала, что на свете бывают такие томные зеленые глаза, обрамленные густыми ресницами. В них был и задор, и вызов, и женское коварство, и какое-то искрящееся лукавство, словно их хозяйка вот-вот прыснет со смеху.

Мелани изящно, словно кошка, выгнулась и вытянула шею, на которой Агнесса заметила несколько родинок, причудливо складывающихся в форму полумесяца.

— Мой дорогой друг, — заворковала Мелани нежным голосом, — ведь вы позволите мне вас так называть? Не могу думать о вас иначе, как о смелой сестре, посланной мне во избавление от мук Богом.

— Я буду счастлива называть вас своей подругой, — пробормотала Агнесса, смущенная ее простотой.

— Вчера я не осознавала из-за слабости: где я, и кто передо мной. Сегодня же я счастлива благодарить вас за то, что вырвали меня из рук разбойников...

В этот миг с молодой хозяйки словно спало наваждение. Перед нею, нервно кусая губы, стояла несчастная женщина, с болезненными синяками на руках, и с искусно скрываемым, но все же заметным ужасом в глазах.

— Не бойтесь, вы в безопасности! — Агнесса улыбнулась. — Спустимся к графу де ла Рош? Нас ждет обед.

— Я умираю от голода! — поклонилась Мелани.

Отец, услышав их шаги, обернулся — и замер, внимательно всматриваясь в лицо гостьи.

Мелани остановилась.

Эта сцена продолжалась довольно долго, затем граф опомнился и подошел.

— Поразительно, вы так похожи на Сибиллу де Куртинэ...

Его взгляд упал на руки гостьи. Граф побледнел и нервно пробормотал:

— И это кольцо.

У Мелани были красивые тонкие пальцы, на одном из которых диковинный перстень мгновенно приковывал взгляд своим блеском: переплетенные змея и роза обвивали бирюзовый камень с зеленой сердцевинкой. Свет настолько ярко переливался в камне, а все остальные элементы были столь искусно вырезаны, что даже возникала обманчивая иллюзия подвижности змеи.

“Странно, — поймала Агнесса себя на мысли, — как это разбойники не позарились на подобное украшение? Вроде вчера я не заметила его”.

Мелани заметно сконфузилась, но ответила, что граф несомненно прав. Сама она из этого рода, и многие в семье отмечали ее необыкновенное сходство с бабкой.

— Этот перстень я получила от нее в подарок на мою свадьбу.

Отец просветлел и уже шутливо добавил, что теперь просто обязан наказать негодяев, чтобы отплатить Сибилле за спасение его жизни.

Агнесса удивленно посмотрела на отца:

— Ты не рассказывал мне эту историю.

— Как-нибудь в другой раз. Я был безнадежно влюблен в ту прекрасную даму в пору моей юности. До того, как встретил твою мать, конечно.

Он повернулся к Мелани.

— Простите старику невольную грубость. С годами блекнущие воспоминания о былых временах рисуют нам приукрашенные картины. В них люди кажутся красивее, отважнее и благороднее, чем в обычной жизни. Сейчас-то я вижу, что вы прекраснее, чем Сибилла.

Мелани загадочно улыбнулась.

Граф поклонился и пригласил всех к столу.

Ароматный запах рагу из кролика в хлебе разнесся по обеденному залу и так соблазнительно манил, что женщины накинулись на еду со спешкой, не подобающей благородным дамам.

Хозяин велел налить всем вина и подать грушевый пирог, а когда приказы были исполнены — отпустил слуг и посмотрел на Мелани.

— Вы хотите услышать мою историю? — спросила она.

— Признаться, сгораем от любопытства!

Она кивнула и начала свой рассказ.

История загадочной гостьи. Убийство и плен

Как Вы уже знаете, имя мое Мелани д'Эвилль, и я происхожу из великих родов Шартра — де Пюизе и де Куртинэ.

Моя мать — дальний потомок французских королей — любила при всяком удобном случае об этом напоминать своему мужу.

Отец отвечал, что он и без этого отчетливо видит корону на челе матери, только почему-то не из золота, а из рогов.

На это матушка чопорно замечала, что рыцарские турниры в поглощении вина повлияли не только на его зрение, но и на ум. Отсутствие рогов на его голове говорит не о его заслугах, а о ее добродетельности.

Несмотря на словесные перепалки, оба души друг в друге не чаяли.

Бог не дал им других детей, поэтому вся родительская любовь досталась мне без исключения.

Но в однолетье жизнь моя изменилась.

Родители мои покинули этот мир от горячки, оставив меня, двенадцатилетнюю девчушку, одну на попечение моей странной бабки, Сибиллы, которую вы, милостивый государь, упоминали.

Я жила в ее отдаленном от дорог горном замке в Наварре, скрытом от любопытных глаз густыми зарослями плюща и терна до тех пор, пока мне не исполнилось двадцать лет.

Бабушка, чрезвычайно нелюдимая женщина, постоянно повторяла, что более всего на свете ценит одиночество, поэтому оставляла меня на собственное усмотрение и мало посвящала времени моему воспитанию.

Она была до такой степени причудлива, что передавала свои распоряжения слугам через меня, проводя большую часть времени в своей комнате.

Ее сумасбродство подтвердил тот факт, что, хотя сама же устроила мою помолвку с сеньором Ришаром д'Эвилль виконтом д'Авен, вассалом и двоюродным племянником графа де Блуа-Шатильона, она не соизволила даже выйти благословить нас во время свадебного обряда, объясняя это муками расставания со своей любимой внучкой.

Мой супруг оказался стройным и беззаботным молодым человеком, и я помню лишь, что он чрезвычайно смущался в моем присутствии. На следующий день после нашей свадьбы мы простились: я отправилась в наше имение Эвилль, а он — вместе с рыцарями в крестовый поход вслед за королем Франции, где и сгинул, оставив меня молодой вдовой.

Я пряталась от мира в трауре более пяти лет до тех пор, пока мой сюзерен и родственник мужа граф де Блуа не приказал мне явиться на праздничный рыцарский турнир по случаю объявления помолвки его дочери Жанны с сыном французского короля Людовика.

Я не буду вас утомлять описанием турнира в этот раз. Скажу лишь, что он потряс меня.

Непостижимой представлялась мне мысль о пути к рыцарству через убийства.

Наивная! Сколько разочарований в благородстве меня ждало впереди!

И вот я возвращалась с рыцарского турнира в мои владения на границе Нормандии в сопровождении двух воинов и служанки.

Мы ехали до полудня по шартрской дороге, а затем свернули на лесную тропу в сторону моих земель.

Мои воины упрашивали меня переночевать в Шартре, но я торопилась вернуться к себе.

Сейчас я думаю, что невидимая сила толкала меня навстречу злой судьбе.

Плавню спустились сумерки в лесную чащу.

Вдруг серые тени мелькнули по обеим сторонам дороги. Раздался короткий лай, переходящий в леденящий вой.

— Волки, волки! — закричали мои воины.

Лошади захрипели и, чувствуя опасность, бросились вперед по дороге. Часть стаи, уже не таясь, выскочила из леса позади нас, другая — продолжала бежать вровень с лошадьми, показываясь и снова исчезая в темных зарослях.

— Скорее, госпожа! Во весь опор!

Два крупных волка выпрыгнули из чащи. Один вцепился в заднюю ногу коня передо мной, а второй сбил с него всадника.

Раненое животное сделало несколько шагов, но еще один волк вонзился клыками в переднюю ногу и повалил обреченное существо на землю.

Я чудом смогла обогнуть упавшего передо мной коня.

Моей служанке повезло меньше: с отчаянным криком она покатилась кубарем вслед за своей лошадью, зацепившейся за бьющегося в смертельной судороге коня.

Услышав ее душераздирающий вопль, предводитель моих воинов, Жиль Пойре, резко развернулся на полном скаку и направил жеребца к стоявшей на четвереньках девушке.

— Святой Губерт, помоги! — выдохнул воин и перехватил копьё поудобнее.

Жиль яростно подцепил им одного из волков по пути и закинул его, визжащего и изворачивающегося, в чащу к хищным собратьям.

Надежда блеснула в глазах девушки. Прихрамывая от боли, она бросилась к спасителю, протягивая свои руки. Еще миг, и она оказалась бы в седле...

Громадный вожак стаи запрыгнул на коня Жили и вцепился в незащищенное бедро наездника.

Конь, почуяв хищника на спине, встал на дыбы и опрокинул человека и зверя, а сам, хрипя и брыкаясь, умчался в лесную чащу.

Оба противника, похожие как отражение боевого духа, стояли друг против друга в лунном свете.

Седой воин с мечом и кинжалом в руках со страшным косым рубцом через все лицо.

И щерящийся матерый вожак с несколькими шрамами на морде, в смертельных схватках отстаивший свое право вести за собой стаю.

Волк зарычал и прыгнул. Подмяв под себя человека, он залязгал клыками по кольчуге. Добрался до горла и безжалостно рвал его.

Его звериное сердце пело: “Кусай! Грызи! Пей сладкую кровь!”

Вдруг песня оборвалась. Вожак тихо заскулил и затих на враге.

Окровавленный воин стряхнул с себя все еще пахнущую лесом, погоней и силой жизни мохнатую тушу и выдернул свой кинжал из зверя.

Жиль попытался приподняться, но жизнь вместе с кровью из рваных ран утекла из него. И он застыл, в последний раз пронзив бесконечным взглядом звездное небо, не обращая внимания на других подкрадывающихся хищников.

Прощальный вой разнесся по лесу. Волки оплакали своего предводителя и потрусили к добыче вслед за новым вожаком.

Лес не прощает долгих проводов.

Так погибли преданные мне люди.

Пара лошадей с моими вещами и походной поклажей чудом уцелела и бежала позади моего жеребца.

Отчаяние и вина душили меня. Я молила Бога принять души тех, кто погиб из-за моей спешки, из-за моего упрямства. Если бы я только прислушалась к советам своих людей — все были бы живы!

Вдруг конь мой заржал и стал оседать на землю. В темноте я не сразу заметила арбалетный болт, торчащий в его шее.

Я перекатилась в заросли папоротника, чтобы скрыться с дороги от нападавших.

Я узнала их предводителя. Горбатый оруженосец барона Филиппа д'Аркура поразил всех на турнире мастерством владения меча и своим ужасным обликом.

Он втянул воздух, как собака, и громко сказал:

— Она где-то рядом.

В ужасе я бросилась прочь, но тут же тяжелые руки, пахнущие потом и сталью, обрушились на меня и вдавили лицо в землю.

Пять ночей везли меня в неизвестном направлении, связанной и перекинутой через седло лошади.

Я пыталась пугать разбойников карами небесными, предлагала выкуп, но все было бесполезно: похитители оставались глухи к моим словам.

Только мерзкий горбун кидал мне кусок хлеба или мех с вином.

Из обрывков их разговоров я поняла, что меня по приказу Филиппа д'Аркура везли в его поместье.

Отчаяние сжимало мое сердце: молодая вдова без близких родственников стинет в чужом замке, и никто не бросится на мои поиски. Все спишут на хищных зверей в лесу, после обнаружения остатков моих несчастных спутников.

Из-за веревок все мое тело, руки и ноги ужасно болели. Сперва меня рвало от тряски и от езды вниз головой, затем нашло какое-то полузабытье.

Реальный мир слился с бредовыми видениями.

Я разговаривала с давно усопшим отцом.

В другой раз я сражалась с волками, а изуродованный Жиль Пойре, превратившийся в полуволка, вел стаю за собой.

Однажды даже приходил сам господин моих похитителей. Филипп д'Аркур склонился надо мной и рассматривал с жуткой улыбкой на лице, в которой не было ни капли жалости — лишь холодное любопытство хищника, изучающего свою добычу.

В мгновение ока я вцепилась в его шею и душила из последних сил до тех пор, пока не потеряла сознание от удара по голове.

Скорее всего, все это плод моего безумия.

Я звала смерть и молила ее прекратить мои страдания.

Но вот однажды на утреннем привале похитители разбрелись за дровами, а меня оставили под присмотром единственного разбойника.

Не знаю, что руководило мною — какое-то наитие. Прислонившись к дереву, я окликнула его и попросилась по нужде.

— Смотри мне, без глупостей! — отложив арбалет в сторону, наклонился он, чтобы развязать путы на моих ногах.

На мое счастье, разбойники связали мои руки спереди.

Я ухитрилась ухватить его за грязные волосы и, отпрянув вбок, треснула его лбом о ствол дерева за моей спиной.

Бандит застонал и рухнул. Мне надо было бы сразу поискать оружие, чтобы разрезать веревки, но тогда я совершенно не соображала. Мной руководило одно лишь желание: немедленно убраться подальше от того места.

Сперва я прыгала, затем оступилась и свалилась в овраг. Я ползла, толкала свое тело вперед и бесконечно повторяла себе единственную фразу, пока не потеряла сознание: “Выживи и пусти им всем кровь!”